Многоуважаемому Николаю Федоровичу Федорову.
25 Іюля 1889 г. г. Саранск   Григорій Петерсон

17850

ПРИХОДСКАЯ ЛѢТОПИСЬ
села Поливанова-Сергіевскаго*) Керенскаго уѣзда.
(Опытъ исторіи села).

Приступивъ къ собиранію историческихъ свѣдѣній о с. Поливановѣ-Сергіевскомъ пришлось пожалѣть объ отсутствіи у насъ мѣстныхъ архивовъ въ каждомъ уѣздномъ и даже губернскомъ городѣ, вслѣдствіе чего изученіе мѣстной исторіи затруднено до чрезвычайности. Между тѣмъ желаніе, или, вѣрнѣе, потребность оглянуться назадъ и хотя немного приподнять завѣсу своего прошлаго настолько присуще душѣ человѣческой, что, независимо отъ сказанныхъ препятствій, слѣды минувшей жизни тщательно розыскиваются, собираются и записываются историческіе факты и, такимъ образомъ, нарождается, такъ сказать, **мѣстная исторія.**

Правда, что всѣ эти записи историческія, сдѣланныя на мѣстѣ, далеко не отличаются желаемою полнотою и научнымъ достоинствомъ, тѣмъ не менѣе, однако, уже самымъ существованіемъ своимъ, онѣ какъ бы указываютъ, намѣчаютъ тотъ самый путь, на который рано или поздно должна же будетъ наконецъ вступить историческая наука, если только она желаетъ, по праву, именоваться **„всеобщей“.**

Весьма возможно предположить, что подобнаго рода идея лежитъ и въ основаніи распоряженія Преосвященнаго Варлаама, *) одного изъ просвѣщеннѣйшихъ архипастырей Пензенскихъ, когда онъ, вступивъ на кафедру Пензенской Епархіи, предложилъ „въ 23 день Ноября 1855 года“ духовной консисторіи завести въ каждомъ Епархіальномъ приходѣ при церквахъ такъ называемыя **„Памятныя книги“** **) съ тѣмъ, какъ гласитъ надпись на этихъ книгахъ, „чтобы священно-церковно-служи„тели вносили въ оныя, по статьямъ и

---

*) Въ Керенскомъ уѣздѣ, въ юго-восточномъ концѣ уѣзда, существуетъ еще другое **с. Поливаново**, называющееся **Димитріевскимъ.**

*) Епископъ Варлаамъ (Успенскій) наслѣдовалъ Пензенскую кафедру послѣ Амвросія II (Морева), затѣмъ, въ санѣ Архіепископа, переведенъ изъ Пензы въ Тобольскъ.

**) Думается, что полезно было-бы, для изученія мѣстной исторіи и статистики, завести подобныя книги напр. при каждомъ сельскомъ училищѣ, гдѣ учителя могли бы вносить въ книгу, по заранѣе намѣченнымъ рубрикамъ, свѣдѣнія, касающіяся исторіи села и его статистики.

„главамъ, отвѣты на всѣ, указанные въ „программѣ, изданной Его Преосвященствомъ, вопросы сколь возможно обстоятельно и доказательно, и впредь „неупустительно продолжали-бы писать „по указанію программы“.

Намъ неизвѣстно кѣмъ, собственно, придуманы памятныя книги: самимъ-ли Преосвященнымъ Варлаамомъ, или же распоряженіе объ этомъ исходило изъ высшихъ сферъ нашего духовнаго правительства; но какъ-бы тамъ ни было, нельзя не пожалѣть, что осуществленіе столь прекрасной и плодотворной идеи свершилось далеко не во всѣхъ приходахъ, (по крайней мѣрѣ Керенскихъ), хоть сколько нибудь удовлетворительно, вслѣдствіе чего и памятныя книги, за малыми лишь исключеніями, и до сихъ поръ во многихъ церквахъ остаются неприкосновенными и кромѣ вышеприведенной нами надписи, да названій главъ ничего въ себѣ не содержатъ.

Поливановскій приходъ въ этомъ отношеніи составляетъ какъ бы исключеніе, потому что здѣсь усердіемъ приходскаго священника Николая Андреевича Кипрскаго въ памятной книгѣ собранъ довольно разнообразный историко-этнографическій матеріалъ, который, касаясь всевозможныхъ сторонъ жизни приходскаго населенія, содержитъ многоразличныя свѣдѣнія отъ историческихъ преданій до текущихъ событій, записанныхъ въ хронологическомъ порядкѣ по годамъ.

При составленіи предлагаемаго „**опыта**“ исторіи села памятная книга послужила первымъ и пожалуй что главнымъ источникомъ

Другимъ источникомъ были для насъ „клировыя вѣдомости“, самыя раннія изъ коихъ относились лишь къ 1819 г., озаглавленныя въ этомъ году такимъ образомъ: „Вѣдомость, учиненная благочиннымъ, священникомъ Іосифомъ Керенскимъ-Покровскимъ *) о состояніи находящихся Керенской округи села Поливанова церкви Апостоловъ Петра и Павла въ вѣдомствѣ его (благочиннаго) священно и церковно-служителей, ихъ женъ и дѣтей“.

Наконецъ свѣдѣнія о движеніи приходскаго народонаселенія, т. е. о рождаемости и смертности и нѣкоторыя другія совмѣстно съ ними находящіяся заимствованы изъ метрическихъ книгъ, которыхъ удалось мнѣ просмотрѣть за 67 лѣтъ, т. е. отъ 1802 и до 1869 года.

На первыхъ изъ сихъ книгъ въ заглавіи написано: „Книга метрики Тамбовской Епархіи, Нижне-Ломовскаго Духовнаго Правленія“; выдана была эта книга изъ того-же духовнаго правленія „по силѣ указа 1802 года, Маія 16 дня и прежде состоявшихся“.

Не лишнимъ будетъ замѣтить, между прочимъ, что при разсмотрѣніи этихъ книгъ обратили на себя вниманіе нѣкоторыя выраженія, встрѣчаемыя въ ихъ текстѣ и неупотребительныя нынѣ. Такъ, въ статьѣ **о родившихся** до 1839 года, воспріемницы - крестьянки именуются „женками“: „женка“ такая-то; въ статьѣ

*) Іосифъ Димитріевъ священникъ Покровской города Керенска церкви, бывшій въ то время благочиннымъ. (О немъ сказано въ нашемъ „Очеркѣ Керенскаго края“).

о бракосочетавшихся женихи изъ помѣщичьихъ крестьянъ называются „отроками“: „отрокъ такого-то господина, такой-то; и, наконецъ, въ статьѣ **о умершихъ**, при обозначеніи рода смерти, нерѣдко встрѣчается отмѣтка: умеръ „натуральною смертью“.

При столь ограниченныхъ источникахъ невозможно было, конечно, дать полной исторіи села Поливанова, такъ какъ собранный мною матеріалъ относится главнымъ образомъ къ нынѣшнему столѣтію, причемъ свѣдѣнія, относящіяся даже къ первымъ годамъ сказанной эпохи, отличаются крайнею неполнотою, отрывочностью и даже, такъ сказать, отвлеченностью; все это не осталось, разумѣется, безъ вліянія и на достоинство предлагаемаго за симъ „опыта“, который вслѣдствіе того и вышелъ, можетъ быть, неудачнымъ.

I. Мѣстность.

На двадцать верстъ къ юго-западу отъ города Керенска, неподалеку отъ границъ сосѣдняго съ Керенскимъ Спасскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, находится **село Поливаново-Сергіевское**; лежитъ оно на лѣвомъ берегу р. Вада *) въ числѣ многихъ другихъ селъ и деревень **), разбросанныхъ на пространствѣ слишкомъ ста верстъ по всему теченію этой рѣки.

Мѣстность, занимаемая с. Поливановымъ — это не особенно обширная низменность, ограниченная съ двухъ сторонъ холмистыми возвышенностями, которыя неотступно слѣдуютъ за извилистымъ направленіемъ р. Вада, текущей между ними. Съ правой стороны рѣки возвышенность гориста, перерѣзана глубокими оврагами и, мѣстами (какъ напр. передъ селомъ Поливановымъ), виднѣются на ней признаки лѣсной растительности — то въ видѣ рощицъ и кустарниковъ, или-же, просто, подъ видомъ сухихъ пней, — печальныхъ остатковъ непроходимыхъ лѣсовъ, которыми славилась, когда-то, вся здѣшняя сторона.

---

*) **Рѣка Вадъ** составляетъ притокъ р. Мокши, въ которую она впадаетъ въ Темниковскомъ уѣздѣ въ 30 верстахъ отъ г. Кадома. Вадъ начинается въ Керенскомъ уѣздѣ около **с. Коповки** и течетъ съ востока на сѣверо-западъ; длина теченія составляетъ 151 версту, 390 саж., а ширина достигаетъ, мѣстами, отъ 20 до 25 саж. Вода въ рѣкѣ здоровая, пороговъ нѣтъ, но двѣ мели и масса затонувшихъ деревьевъ. Въ прошломъ столѣтіи, въ полую воду, была судоходна; судоходство начиналось отъ деревень **Каргашина и Подлисовой** Спасскаго уѣзда, при которыхъ каждый годъ строили по нѣсколько судовъ, нагружали ихъ хлѣбомъ, ободьями и золой и отправляли внизъ до р. Мокши. Въ настоящее время на р. Вадѣ находится множество мельницъ. (Рукопись землемѣра Нестерова 1789 года).

) Село Коповка, с. Козлейка, гор. Керенскъ, дер. Каменка, д. Тенево, д. Лопатино, с. Большая Лука, д. Свищево, с. Поливаново и с. Дураково; всего въ Керенскомъ уѣздѣ **десять населенныхъ мѣстъ.

Возвышенность лѣваго берега болѣе отлога, безлѣсна и въ общемъ напоминаетъ скорѣе равнину-степь, чѣмъ гряду водораздѣла, а потому на всемъ пространствѣ она обращена въ пашню. Въ настоящее время, впрочемъ, начинаютъ распахивать и заливные луга подъ с. Поливановымъ, на правомъ берегу Вада, въ такъ-называемомъ урочищѣ **Кизимъ-Велизимъ**; какъ видно современное хозяйство, стремящееся лишь къ извлеченію наибольшаго дохода (луга эти барскіе), не задумалось наложить свою разрушающую руку и на Поливановскіе луга, нѣкогда знаменитые своими сѣнными покосами.

Изъ рѣчекъ, кромѣ р. Вада, орошающаго Поливановскія земли, течетъ сюда изъ-подъ с. Ртищева небольшая рѣчка **Летевка**, которая обтекаетъ с. Поливаново съ юго-востока и здѣсь, подъ самымъ селомъ, между имъ и сосѣдней д. Свищевой, довольно широкимъ устьемъ впадаетъ въ р. Вадъ, исполнивъ полутораверстное луговое пространство, между обоими селеніями ручьями и болотцами, непересыхающими даже лѣтомъ и густо заросшими осокою и тальникомъ. *) Такимъ образомъ с. Поливаново находится какъ-бы на полуостровѣ, образовавшемся отъ слiянія двухъ рѣкъ;—но если вѣрить преданію, занесенному въ „памятную книгу", то около сѣверной окраины села, къ дер. **Китѣ**, протекала еще третья „довольно значительная рѣка, имѣвшая начало изъ озера, мѣсто котораго извѣстно нынѣ подъ именемъ **мокрый кустъ**". По словамъ того же преданія, когда-то, по теченію этой рѣки, жило „немалое количество народа, переселившагося потомъ къ р. Ваду и составившаго с. Дураково." Къ нашему времени не сохранилось даже и слѣдовъ этой рѣки, упоминаемой преданіемъ, такъ что съ трудомъ вѣрится даже въ ея существованіе; впрочемъ преданіе подразумѣвало здѣсь быть можетъ р. Киту, которая течетъ параллельно Ваду по границѣ Тамбовской губерніи и находится не болѣе 8—9-ти верстъ отъ с. Поливанова къ западу. На этой рѣчкѣ, почти исчезающей, и по нынѣ стоятъ **три селенія**: двѣ Киты (Логовщины и Титовая) и дер. Коротнева.

Окрестности с. Поливанова оживлены разными селами и деревнями, расположившимися по-близости р. Вада и роскошныхъ луговъ Поливановскихъ. Такъ, на правомъ берегу рѣки, на горахъ, за густою полосою лѣса, пріютились деревни **Лѣсная Крутовка и Красавка съ дер. Сапеловкой** (зеленая дубрава), лежащей, впрочемъ, нѣсколько далѣе на востокъ; рядомъ съ Поливановымъ къ юговостоку, чрезъ рѣчку Литевку, находится дер. **Свищево** на р. Вадѣ, а по другую сторону села, на томъ же Вадѣ рѣкѣ, верстъ на пять ниже, стоитъ село Дураково, окруженное превосходными заливными лугами.

*) Надо удивляться, какъ ухитряется крестьянская нужда косить траву и клочками заводить пашню на этой трясинѣ, которая такъ и зыблется подъ ногами; но видно крайности сходятся, какъ, въ данномъ случаѣ, сходятся между собою и гнетущая нужда и коммерческій разсчетъ....

На югъ отъ Поливанова, на высокомъ курганѣ, надъ рѣчкой Литевкой красуется бѣлокаменная церковь села **Ртищева**, видимая со всѣхъ сторонъ издалека, а рядомъ съ Ртищевымъ, у подножія кургана, утонула въ садахъ дер. **Летева-Донина**, имѣя позади себя, въ недалекомъ разстояніи, дер. **Польную Крутовку**. Всѣ эти селенія находятся отъ с. Поливанова не далѣе восьми, шести, трехъ и даже одной версты.

Путями сообщенія между с. Поливановымъ и г. Керенскомъ и окрестными деревнями служатъ обыкновенныя, проселочныя грунтовыя дороги, несовсѣмъ удобопроѣзжія весною и осенью отъ низменной, болотистой мѣстности, среди которой стоитъ это село. По дорогѣ въ лѣсную Крутовку, по этому случаю, устроено нѣчто въ родѣ дамбы, съ пролетными мостами, которая, начавшись отъ барской мельницы, тянется на полверсты черезъ луга къ песчанной горѣ правой, гористой стороны р. Вада. Сообщеніе с. Поливанова съ г. Керенскомъ совершается въ лѣтнюю пору двумя и даже тремя путями: или по дамбѣ, горой, мимо дер. Лѣсной Крутовки, или Поливановскими лугами и затѣмъ по горѣ черезъ деревни Красавку и Сапеловку, или же, наконецъ, „низами" черезъ д. Свищеву и с. Большую Луку. Послѣдній путь избирается обыкновенно лѣтомъ и зимою, тогда какъ въ остальное время года ѣздятъ преимущественно первыми двумя путями.

II. Планъ села и археологія.

Въ настоящее время село Поливаново сосредоточено на лѣвомъ берегу р. Вада и состоитъ изъ трехъ улицъ, *) изъ коихъ одна, прямая и широкая (50 саж. въ шир.) двумя порядками избъ идетъ перпендикулярно къ рѣкѣ Ваду, гдѣ подъ прямыми углами примыкаютъ къ ней остальныя двѣ улицы, состоящія изъ одного лишь порядка, обращеннаго окнами къ рѣкѣ. На половинѣ большой улицы, посреди ее, стоитъ волостное правленіе, гдѣ помѣщается и училище, передъ нимъ блеститъ небольшой прудъ, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ улицы сходятся, виднѣется подъ густыми деревьями каменная церковь, которая стоитъ какъ разъ противъ обширной барской усадьбы съ тѣнистымъ садомъ, раскинувшейся непосредственно на рѣчномъ берегу въ сосѣдствѣ съ барскою же водяною мельницей. Рѣка въ этомъ мѣстѣ широка и привольно течетъ вровень съ берегами, густо поросшими бузиной, рябиной и дикимъ тальникомъ.

Совсѣмъ по иному плану располагалось село Поливаново въ старину: прежнее Поливаново состояло изъ небольшихъ поселковъ или, какъ называли ихъ тогда, „починковъ", сидѣвшихъ въ разбросѣ, по рр. Летевкѣ и Ваду, и впослѣдствіи уже, по волѣ одного изъ владѣльцевъ Поливановскихъ, коллежскаго совѣтника Алексѣя Степановича Всеволожскаго, большая часть крестьянскихъ дворовъ переведена на теперешнее мѣсто; причемъ окончатель-

---

*) Всѣ улицы имѣютъ названія: прямая улица называется **Выселками**, правая боковая **Чермантѣевка**, а лѣвая— собственно, **Поливаново**.

ная, оставшаяся и до нынѣ, распланировка села принадлежитъ помѣщику **Чубарову**, который вдоль главной сельской улицы устроилъ даже нѣчто въ родѣ бульвара, разсадивъ аллеей деревья, уничтоженныя впослѣдствіи самими крестьянами, по освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Вопросы: откуда село получило свое названіе и когда оно основалось, къ сожалѣнію, не могутъ быть разрѣшены удовлетворительно, за неимѣніемъ прямыхъ на то указаній ни въ письменныхъ источникахъ, ни въ преданіи. Послѣднее, впрочемъ, свидѣтельствуетъ, что прежде село называлось **Летевымъ**, причемъ это имя принадлежало также и нынѣшнимъ Поливановскимъ сосѣдямъ— деревнямъ **Усть-Летеву и Свищеву**; Поливановымъ село впослѣдствіи назвалось, можетъ быть, по имени Ивана Ѳедоровича **Поливанова**, который числится въ спискѣ воеводъ Керенскихъ подъ 1703—1704 годами, и которому принадлежали, кажется, еще и другія селенія Керенской округи.

Какъ бы тамъ ни было, однако въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Керенскаго уѣзда XVIII вѣка, село Поливаново именуется уже **Сергіевскимъ-Поливановымъ**, каковое имя къ настоящему времени измѣнилось въ названіе **Поливаново**-Сергіевское. *)

Относительно времени основанія села Поливанова съ большею вѣроятностью можно сказать, что оно принадлежитъ къ болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ вторая половина XVIII вѣка;—потому что по спискамъ населенныхъ мѣстъ того времени, село Поливаново представляетъ уже благоустроенную вотчину гг. Всеволожскихъ: имѣетъ церковь, мельницу о трехъ поставахъ на р. Вадѣ, два господскихъ деревянныхъ дома и даже винокуренный заводъ на 12,000 ведръ, производящій поставку вина въ Москву, Суздаль и Муромъ.

По всей вѣроятности, въ эпоху колонизаціи Керенскаго края и устройства въ немъ сторожевой черты, было положено начало и существованію села Поливанова. Это становится возможнымъ уже по одному тому, что село Поливаново находится вблизи бывшей сторожевой черты, такъ какъ на западъ отъ него по холмистой возвышенности Ртищевской, или вблизи ея, прилегала **Вадовская или Идовская** дорога, которая упоминается въ „росписяхъ“ 1571 года, въ разрядѣ 10-мъ, подъ рубрикой „сторожи Мещерскія“, причемъ наказывается засѣчнымъ сторожамъ „беречи и разъѣзжати черезъ Вадовскую и Идовскую дорогу до Ломозскихъ сторожей верстъ съ 60-тъ.“ *) Сверхъ того, вблизи Поливанова, на горахъ праваго берега р. Вада, на такъ-называемой

---

*) Точно такимъ-же образомъ мѣняло нѣсколько разъ свое названіе еще и другое село въ Керенскомъ уѣздѣ: село **Шеино**, которое, называясь этимъ именемъ, впослѣдствіи, когда построилась въ немъ церковь, названо **Сергіевскимъ**-Шеинымъ, а теперь, по прежнему, именуется **Шеинымъ**, съ прибавленіемъ имени Сергіевскаго.

*) **Бѣляевъ**, „О станичной и сторожевой службѣ и т. д.“

„Кладовой горѣ", до сихъ поръ существуютъ остатки сторожеваго укрѣпленія, „городка", съ которымъ почему-то связана извѣстная легенда о разбойникѣ Кудеярѣ, но который (городокъ), по моему личному осмотру, оказывается совершенно схожимъ съ другими, подобными ему городками, уцѣлѣвшими кое-гдѣ на протяженіи, исчезающаго нынѣ, сторожеваго вала, построеннаго въ нашей губерніи бояриномъ Царя Ивана Грознаго, Княземъ Воротынскимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, трудно предположить, чтобы колонизація, выбиравшая, конечно, болѣе правильныя мѣста, необратила бы вниманіе на Поливановскіе луга, лежавшіе около сторожевой линіи, при сліяніи двухъ рѣкъ, протекавшихъ подъ густою сѣнью хвойныхъ и лиственныхъ лѣсовъ съ ихъ неисчерпаемыми богатствами. Вотъ почему, думается мнѣ, что село Поливаново принадлежитъ къ наиболѣе стариннымъ, населеннымъ пунктамъ Керенскаго уѣзда.

III. Жители: крестьяне и помѣщики.

а) Крестьяне.

Такимъ образомъ первыми обитателями Поливановскихъ угодій являются колонизаторы вольные и невольные, пресельники и переведенцы, а можетъ быть даже и разнаго рода „утеклецы" „сироты" Московскаго государства, которыхъ привлекалъ этотъ богатый, привольный край, хотя и исполненный въ то время всевозможными опасностями отъ непріятельскаго нашествія.

Сказанное неисключаетъ, конечно, возможности, что раньше русскихъ пришельцевъ въ Поливановскомъ краю промышляли мордва-бортники и звѣроловы, или покорители ихъ татары, потому что иначе трудно было бы объяснить происхожденіе, связанной съ Поливановскими окрестностями, старинной легенды о Кудеярахъ и какомъ-то Тюштанѣ —герояхъ мордовско-татарскаго эпоса монгольскаго періода русской исторіи. Такъ-ли это было въ дѣйствительности или нѣтъ, сказать конечно трудно, а потому въ изслѣдованіи о происхожденіи жителей села Поливанова обратимся изъ области преданій къ приходской памятной книгѣ, которая аборигенами села нарицаетъ крестьянъ г-на Всеволожскаго. По словамъ „лѣтописца"— священника, крестьяне Всеволожскаго составляли **двѣ трети** населенія Поливановскаго прихода, а остальная треть населенія состояла изъ крестьянъ другихъ владѣльцевъ, переведенныхъ сими послѣдними изъ другихъ мѣстъ. Въ свою очередь и село Поливаново послужило къ существованію сосѣдней деревни Усть-Летева, Донина тожъ, которая составилась, по словамъ лѣтописца, изъ крестьянъ Поливановскихъ, переселенныхъ въ 1820 году къ подошвѣ села Ртищева, т. е. къ подошвѣ холма, на которомъ стоитъ нынѣ село Ртищево.

Судя по записямъ клировыхъ вѣдомостей приходское населеніе было не велико: въ 1819 году въ самомъ селѣ Поливановѣ числилось всего только 306 душъ „мужскаго пола", (женскій полъ, какъ видно, въ расчетъ не принимался), въ дер. Усть-Летевѣ 117 душъ, въ дер. Свищевой 75 душъ и въ дер. Китѣ 27 душъ, а всего, слѣдовательно,

во всемъ Поливановскомъ приходѣ считалось 525 душъ „мужскаго пола". Каковы были Поливановскіе прихожане въ нравственномъ и другихъ отношеніяхъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, лѣтописецъ говоритъ, что „если вѣрить преданію" то въ старинные годы нравственность Поливановскихъ прихожанъ была невысока: „Евангельской любви къ ближнимъ они незнали, храма не посѣщали, были лѣнивы и жили грабежемъ"! Вотъ что вспоминаетъ преданіе о прежнихъ прихожанахъ Поливановскихъ! Что-же касается до причинъ столь глубокаго нравственнаго паденія, то преданіе, конечно, ихъ не объясняетъ, за то пытается сдѣлать это лѣтописецъ, предполагая, что „разрозненность жителей жившихъ отдѣльными поселками," т.-е. обособленность ихъ,—служили поводомъ къ уменьшенію христіанской любви, „а богатая прежде, своими дарами природа щедро вознаграждавшая самый небольшой даже трудъ," послужила къ развитію между крестьянами лѣности, праздности, наклонности къ легкой наживѣ, пьянству и т. п. порокамъ.

Съ переходомъ имѣнья отъ г. Всеволожскаго къ помѣщику Чубарову, въ жизни Поливановскихъ крестьянъ произошла перемѣна къ лучшему. По словамъ лѣтописца, г. Чубаровъ „весьма презиралъ празднолюбцевъ" и потому, обративъ вниманіе на плохую обработку земли и на возраставшее годъ отъ году истощеніе почвы,—ввелъ весьма похвальный обычай аккуратно черезъ два года унавоживать каждое поле, а подъ посѣвъ дважды перепахивать землю. Облѣнившіеся крестьяне не могли сразу отстать отъ „празднолюбія" и избалованные „щедрыми дарами природы", даже при оскудѣніи таковыхъ не скоро могли понять они необходимость и совершенную практичность новыхъ порядковъ, вслѣдствіе чего помѣщикъ въ первое время вынужденъ былъ строго наказывать тѣхъ, у кого „земля оставалась неперепаханной или неунавоженной, а тѣмъ болѣе незасѣянной, причемъ нуждающимся давалъ „сѣмена, даже лошадей и другое нужное". По свидѣтельству лѣтописи обычай унавоживать землю и перепахивать ее и до сихъ поръ соблюдается въ с. Поливановѣ.

Наравнѣ съ улучшеніемъ матеріальнаго благосостоянія прихожанъ, благодаря заботливости помѣщика, начала улучшаться и ихъ нравственность; сдѣлавшись болѣе трудолюбивы, они стали усерднѣе посѣщать и Божій храмъ, „хотя бы то и въ главные праздники", потому что въ обыкновенные воскресные дни являлись въ храмъ однѣ лишь старики и дѣти; „и это по причинѣ несчастнаго обязательства господской работѣ" замѣчаетъ (въ 1866 году) лѣтописецъ.

Нескрываетъ, впрочемъ, лѣтописецъ и того обстоятельства, что помѣщикъ пріучалъ крестьянъ къ посѣщенію храма и небывавшихъ въ церкви по нерадѣнію подвергалъ штрафу. Наблюдалъ помѣщикъ также и „за возможнымъ украшеніемъ идущихъ въ храмъ", т. е. за опрятностью въ одеждѣ.

Словомъ, если вѣрить церковной лѣтописи, помѣщикъ Чубаровъ имѣлъ благотворное вліяніе на Поливановскихъ прихожанъ.

Подобное же вліяніе въ религіозно-нравственномъ отношеніи имѣлъ на прихожанъ и самъ лѣтописецъ священникъ Кипрскій; по его словамъ: „съ 1857 г. прихожане, вслѣдствіе внушенія имъ“ черезъ него, священника Кипрскаго, „обязанностей вѣры Христовой, они (крестьяне) стали быть особенно усердны къ храму, такъ что рѣдкій праздникъ небываетъ тѣсно въ храмѣ. Также начали (они) исполнять христіанскій долгъ исповѣди и св. причастія всѣ, кромѣ очень немногихъ, примѣрно сказать: 30 или 40 человѣкъ обоего пола.“

Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости усердіе „къ храму“, говоритъ лѣтописецъ, не только что не ослабѣло, но даже и возвысилось; затѣмъ съ 1865 года „когда многолюдныя крестьянскія семьи раздѣлились на мелкія, а изъ этихъ послѣднихъ **лишніе** (?) члены начали уходить на заработки, или отъѣзжать въ дорогу, (въ извозъ, должно быть), то въ праздничные дни въ церкви стало гораздо просторнѣе“, какъ это случалось и во времена крѣпостной зависимости.

Лѣтописецъ, между прочимъ, упоминаетъ также и о томъ, что „съ открытіемъ свободы временно-обязаннымъ крестьянамъ и вообще людямъ пахотнымъ стало много противъ прежняго легче и свободнѣе; для людей же дворовыхъ настали времена **странствія и бѣдствія.** Не имѣя собственныхъ жилищъ они (дворовые люди) постоянно переходили отъ одного помѣщика къ другому, не получая иногда ни малѣйшаго вознагражденія за свою службу. Дворовыя дѣвицы нерѣдко шли въ замужество за крестьянъ.“

Говоритъ лѣтописецъ и о слѣдахъ раскола, сохранившагося у нѣкоторыхъ изъ Поливановскихъ прихожанъ, „подъ видомъ двухперстнаго сложенія,—упоминаетъ онъ о различнаго рода „повѣрьяхъ и суевѣрныхъ обычаяхъ“ и до нынѣ существующихъ у крестьянъ Поливановскихъ. Такъ, Поливановскіе жители вѣрятъ въ существованіе домовыхъ, вѣдьмъ, русалокъ, оборотней, вѣрятъ въ магическую силу недобраго взгляда, въ несчастные дни и часы, въ дурное предзнаменованіе встрѣчи съ попомъ, а наканунѣ Иванова дня (24 іюня) ищутъ „разрывъ травы для исцѣленія недуговъ“, точно также они совершенно увѣрены въ томъ, что въ „кладовой горѣ“ сокрыты разбойникомъ Кудеяромъ несмѣтныя сокровища, которыя ревниво стережетъ нечистая сила. Въ лѣтописи даже описывается одна изъ попытокъ овладѣть зарытыми въ горѣ сокровищами,— попытокъ, предпринимаемыхъ любителями легкой наживы даже и въ настоящее время, вслѣдствіе чего „кладовая гора взрыта по всѣмъ направленіямъ, хотя и безуспѣшно. Мнѣ лично извѣстно, какъ и всѣмъ жителямъ Керенскаго уѣзда, что лѣтомъ 1886 года, какой-то предпріимчивый татаринъ изъ Керенской деревни Кочетовки, возвратившись въ этомъ году изъ Астрахани, съ такою увѣренностью принялся за отысканіе клада, что заключилъ даже формальное условіе съ Поливановскими и Свищевскими крестьянами, которые взялись производить раскопки подъ наблюденіемъ татарина, о вознагражденіи

ихъ за работу въ случаѣ если кладъ будетъ отысканъ. Дѣло, впрочемъ, кончилось ничѣмъ: проработали крестьяне цѣлую недѣлю и ничего не нашли. Изъ обычаевъ, которые даже и теперь существуютъ въ Поливановскомъ приходскомъ населеніи, лѣтописецъ указываетъ на слѣдующія:

Если въ какомъ-либо семействѣ случится новорожденный, то не только что его родители, но и всѣ живущіе съ ними въ одномъ домѣ считаются **нечистыми**, вслѣдствіе чего не дерзаютъ входить (до времени) въ сосѣдніе дома, а обращаясь къ священнику, ведутъ съ нимъ переговоры съ улицы, стоя подъ окномъ.

Затѣмъ, если новорожденный окажется мужескаго пола, то на крестинномъ обѣдѣ обязательно ставятъ на столѣ блюдо съ хлѣбомъ-солью, которое покрываютъ шапкой и затепливаютъ передъ нимъ восковую свѣчу. Потомъ, садясь за столъ, послѣ всеобщей молитвы, кто-либо изъ присутствующихъ мужчинъ, взявъ въ руки блюдо съ хлѣбомъ-солью, приподнимаетъ его надъ столомъ и громко произноситъ: „какъ нынѣ подъ крестомъ, такъ, въ свою пору, будь и подъ вѣнцомъ.“ При погребеніи, вмѣстѣ съ горстями земли, на гробъ бросаютъ въ могилу и деньги, съ цѣлью окупить усопшему мѣсто вѣчнаго покоя.

Въ виду воздѣйствія на силы природы, существуетъ обычай въ день свѣтлаго Христова Воскресенія бросать въ грязь церковно-служителей, „для того, чтобы ленъ уродился“; точно также, какъ во время бездождія, лѣтомъ, тѣхъ же церковно-служителей обливаютъ на молебствіи водою, съ цѣлью ускорить низведеніе дождя на землю...

Касаясь такимъ образомъ всѣхъ бытовыхъ сторонъ Поливановскаго населенія, лѣтописецъ не говоритъ ни слова лишь **о промыслахъ** и, можетъ быть потому, что какъ прежде лѣтъ 30—40 тому назадъ, такъ и теперь, Поливановскіе жители никакими собственно промыслами не занимались, за исключеніемъ лишь **земляныхъ работъ** (рытья канавъ и устройства плотинъ), причемъ Поливановцы извѣстны въ уѣздѣ какъ ловкіе землекопы, подобно тому, какъ и крестьяне с. Коповки того же уѣзда славятся своимъ искусствомъ расчищать вырубленные лѣсные участки подъ пашню. Совсѣмъ иное въ отношеніи промысловъ для Поливановцевъ было, быть можетъ, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, когда при обиліи лѣсовъ по р. Ваду мѣстное населеніе занималось „сидкою смолы“, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Шацкія и Лебедянскія писцовыя книги XVII столѣтія.

„И тотъ промыселъ былъ отъ сосновыхъ пней, и сидѣли крестьяне смолу ведръ по 300 и болѣе. Да тѣжъ крестьяне сплавляли лѣсъ и валежникъ рѣками на продажу.“ *) А что „сидка смолы“ была возможна въ прежнее время и для Поливановскихъ крестьянъ, въ томъ служатъ свидѣтельствомъ остатки сосновыхъ лѣсовъ на ближнихъ горахъ праваго берега р. Вада, вытѣсняемыхъ нынѣ чернолѣсьемъ и безрасчетно истребляемыхъ владѣльцами.

---

*) **И. И. Дубасовъ**: „Очерки Тамбовскаго края“.

Точно также весьма возможно, что прежде нынѣшнихъ Поливановскихъ крестьянъ занимались и **рыбными ловлями**, о которыхъ упоминается въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ: „И ту рыбу сушатъ и коптятъ и продаютъ зимою и лѣтомъ. А ловятъ ее неводами, поѣздами, сѣтьми и вентерями."

Чтобы допустить возможность рыбныхъ ловель въ Поливановскихъ мѣстахъ, слѣдуетъ вспомнить, что лѣтъ 200 даже 150 тому назадъ рѣка Вадъ, нынѣ обмелѣвшая, прежде была судоходна и славилась обиліемъ рыбы.

б) Помѣщики.

Въ памятной церковной книгѣ (лѣтопись), а еще болѣе въ церковныхъ документахъ, мы встрѣтили множество именъ разныхъ помѣщиковъ, крестьяне которыхъ искони были прихожанами Поливановскими.

Большинство владѣльцевъ принадлежало къ мелкопомѣстнымъ и, какъ видно, неимѣло особаго значенія въ жизни приходскаго населенія; вслѣдствіе чего въ церковныхъ документахъ и упоминаются одни только имена ихъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія сообщаютъ церковные документы о единственныхъ крупныхъ владѣльцахъ Поливановскихъ, изъ коихъ **первымъ** упоминается подъ 1802 годомъ нѣкто **коллежскій совѣтникъ Алексѣй Степановичъ Всеволожскій.**

Въ спискѣ помѣщичьихъ вотчинъ Керенскаго уѣзда въ XVIII и началѣ XIX вѣка упоминается одна лишь **Марья Ивановна Всеволожская**; намъ неизвѣстно какъ приходился ей владѣлецъ Поливанова Алексѣй Степановичъ, но можно думать, что онъ былъ изъ одной фамиліи съ нею, потому что Марья Ивановна также владѣла нѣсколькими душами крестьянъ въ с. Никольскомъ-Китѣ, гдѣ и Алексѣю Степановичу въ 1802 году принадлежало также 27 душъ.

Г. Всеволожскій, вступивъ во владѣніе с. Поливановымъ, какъ мы объ этомъ сказали раньше, свелъ разбросанныхъ по всей долинѣ крестьянъ въ одно мѣсто, именно туда, гдѣ нынѣ и находится с. Поливаново, котораго онъ вслѣдствіе того и считается какъ бы **основателемъ**, положившимъ начало новой эпохи въ жизни сельскаго населенія.

У Всеволожскаго былъ, должно быть, сынъ **Сергѣй Алексѣевичъ**, упоминаемый въ 1803 году, какъ владѣлецъ Поливановскій, и дочь, выданная замужъ за **князя мещерскаго**, отъ коего имѣнье перешло, какъ можно думать, въ томъ же 1803-мъ году, къ „артиллеріи прапорщику **Ивану Андреевичу Чубарову**, который въ церковныхъ документахъ 1803 года упомянутъ, какъ Поливановскій помѣщикъ, вмѣстѣ съ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Всеволожскимъ и княземъ Петромъ Мещерскимъ.

Но какимъ образомъ имѣнье перешло отъ Мещерскаго къ Чубарову, никакихъ достовѣрныхъ о томъ свѣдѣній нѣтъ, хотя и предполагается, что переходъ этотъ совершился путемъ продажи.

Иванъ Андреевичъ Чубаровъ владѣлъ Поливановской вотчиной отъ 1803—1829 года, т. е. ровно 25 лѣтъ, и кромѣ Поливанова, гдѣ у него числилось въ 1820 году, съ дворовыми, 311 душъ,

за нимъ же состояло 29 душъ въ д. Свищевой и въ д. Китѣ 22 души, а всего онъ владѣлъ слѣдовательно, 362 душами, изъ коихъ 44 человѣка было дворовыхъ людей.

Иванъ Андреевичъ былъ строителемъ каменнаго Поливановскаго храма; онъ его и украсилъ. Скончался Иванъ Андреевичъ, должно быть, въ 1829 году, потому что съ этого года владѣльцемъ Поливанова именуется родной сынъ покойнаго Артиллеріи штабсъ-капитанъ **Павелъ Ивановичъ Чубаровъ**. Подобно своему отцу и онъ владѣлъ Поливановской вотчиной около 25 лѣтъ и скончался въ 1852 году ноября 10 дня. О благотворительности его въ отношеніи храма мы надѣемся говорить впослѣдствіи, а теперь упомянемъ лишь о томъ, что за свое усердіе къ храму онъ и похороненъ подъ онымъ, около сѣверныхъ входныхъ дверей, гдѣ внутри храма и до нынѣ виднѣется вдѣланная въ стѣну черная доска, на которой золотыми буквами написано: „Подъ симъ камнемъ покоится прахъ артиллеріи штабсъ-капитана Павла Ивановича Чубарова, родившагося 1784 года 9 іюня, скончался 1852 года ноября 10 дня.“

Павлу Ивановичу наслѣдовалъ родной племянникъ его **генералъ-маіоръ Алексѣй Ивановичъ Чубаровъ**, который въ клировыхъ вѣдомостяхъ за 1853 г. отмѣченъ не живущимъ въ Поливановѣ.

Въ Поливановскомъ барскомъ домѣ до сихъ поръ можно видѣть портретъ Алексѣя Ивановича, на которомъ онъ изображенъ въ бѣломъ кавалергардскомъ мундирѣ; изъ этого можно заключить, что Алексѣй Ивановичъ во время службы своей находился преимущественно въ Петербургѣ. О немъ разсказываютъ, что, отличаясь весьма добрымъ характеромъ, онъ любилъ помогать ближнимъ, но при всемъ этомъ, былъ расточителенъ, плохо велъ свое хозяйство и любилъ жить широко, вслѣдствіе чего однихъ дворовыхъ людей у него числилось до 117 человѣкъ, что составляло чуть не третью часть всего наличнаго числа душъ.

Затѣмъ разсказываютъ, что вслѣдствіе, можетъ быть, расточительности, а можетъ быть и другихъ неизвѣстныхъ намъ причинъ, Алексѣю Ивановичу пришлось поправлять разстроенныя дѣла свои женитьбой на дочери какого-то откупщика, давшаго въ приданое за дочерью чуть-ли не цѣлый милліонъ, котораго, впрочемъ, Чубаровъ никогда не получилъ, а впослѣдствіи лишился даже и своей Поливановской вотчины, которая продана была съ аукціона нынѣшнему владѣльцу г. Стаховичу.

Относительно образа жизни Поливановскихъ помѣщиковъ положительныхъ свѣдѣній нѣтъ, хотя впрочемъ, о которомъ-то изъ нихъ, и кажется о Павлѣ Ивановичѣ Чубаровѣ, старожилы разсказываютъ, что онъ жилъ большимъ хлѣбосоломъ, любилъ общество, вслѣдствіе чего гости въ Поливановѣ не переводились, пріѣзжая сюда цѣлыми семьями даже съ домашней прислугой и при томъ на нѣсколько дней. Но особенно многолюдны собранія эти были въ большіе праздники, какъ напримѣръ въ Сергѣевъ день, въ день имянинъ самого помѣщика 29 іюня и на Троицу. Празднество начиналось торжественной литургіей,

совершаемой нерѣдко архіереемъ (Амвросій II) любившимъ посѣщать Поливановскаго владѣльца, причемъ гости отправлялись въ церковь неиначе какъ на линейкахъ, запряженныхъ тройками коней, несмотря на то, что церковь отъ барскаго дома находилась всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ. Послѣ обѣдни, конечно, слѣдовалъ роскошный завтракъ, а тамъ и обильный обѣдъ.

Въ Троицинъ день принимали участіе въ торжествѣ и крестьяне: послѣ обѣда ихъ собирали на барскій дворъ, заставляли водить хороводы, „играть" пѣсни и одѣляли разными гостинцами.

Изъ **мелкопомѣстныхъ** владѣльцевъ въ Поливановскомъ приходѣ упоминаются: деревни **Свищевой подъ 1802 г.** Ѳедоръ Богдановъ и Герасимъ Чермантеевъ. Подъ 1804 г. Ненила Муратова. Подъ 1819 г. Поджидаевъ. Подъ 1820 г. г-жа Юрьева, Нестеровъ, Полубояриновъ и еще какой-то купецъ Иванъ Ивановъ. Подъ 1833 г. полковникъ Любимъ Андреевичъ Енгалычевъ, наслѣдовавшій отцу своему маіору Андрею Енгалычеву и дѣду князю Енгалычеву, единственнымъ владѣльцамъ **д. Летевой.** Подъ 1852 г. Никифоровъ. Подъ 1855 г. дѣвица Марья Михайловна Труфанова, владѣвшая 61 душой крестьянъ въ 7 дворахъ. Подъ 1860 г. г-жа Данилова.

Въ с. Поливановѣ: подъ 1820 г. упоминаются, кромѣ Чубаровыхъ, еще два владѣльца: г-жа Юрьева и г. Нестеровъ.

VI. Поливановскій храмъ.

Въ церковной памятной книгѣ записано, между прочимъ, преданіе, что будто-бы еще за долго, („за четыре столѣтія (!) предъ симъ"), до сооруженія перваго Поливановскаго храма, существовалъ храмъ въ д. Свищевой и что храмъ этотъ былъ „деревяннаго зданія", а обширностью не больше „порядочной" часовни. Преданіе это основывается на томъ, что, говоря словами памятной книги, „нѣкоторые изъ нынѣшнихъ жителей (т. е. жителей д. Свищевой) увѣряютъ, что они сами нѣкогда, вспахивая землю на огородахъ, выпахивали знаки гробовъ и кости отъ членовъ человѣческихъ." Однако, по соображенію лѣтописца, подобныя находки свидѣтельствуютъ лишь о существованіи въ д. Свищевой кладбища, можетъ быть даже, какъ говоритъ онъ, „временнаго мѣста погребенія по случаю разлитія р. Вада," или же, продолжаетъ свои соображенія лѣтописецъ, „сіе мѣсто не было-ли мѣстомъ погребенія опойцевъ и другихъ".

Не имѣя возможности, по отсутствію данныхъ, рѣшить этотъ вопросъ, замѣтимъ, въ свою очередь, что въ прежнія времена отъ умершихъ не до такой степени сторонились, какъ нынѣ, а потому и кладбища всегда находились около церквей и даже внутри селеній; а опойцевъ и самоубійцъ, лишаемыхъ прежде христіанскаго погребенія, обыкновенно хоронили въ оврагахъ, въ лѣсахъ и чуть ли даже не безъ гробовъ. Что же касается собственно Поливановскаго храма, то свѣдѣнія о немъ невосходятъ дальше его предшественника, еще существовавшаго въ первые годы нынѣшняго столѣтія.

Храмъ, предшествовавшій настоящему, былъ деревянный „средственной величины, съ крытыми вокругъ галлереями и не слишкомъ бѣденъ утварью“. Стоялъ-же этотъ храмъ не на томъ мѣстѣ гдѣ нынѣшній, а находился ближе къ рѣкѣ, съ лѣвой стороны барскаго дома, гдѣ и до сихъ поръ можно еще видѣть часовню, построенную на мѣстѣ алтаря бывшаго здѣсь храма. Неизвѣстно сколько времени существовалъ этотъ, по словамъ лѣтописца, „первый“ храмъ Поливановскій, но когда онъ пришелъ въ ветхость, то одинъ изъ помѣщиковъ „гвардіи прапорщикъ“ Иванъ Андреевичъ Чубаровъ,—принявшій на свое иждивеніе постройку новаго храма, заложилъ его на новомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ онъ находится и теперь, причемъ старый храмъ, по разборкѣ его, былъ перепроданъ въ с. Татарскую Лаку (Покровское тожъ) „на употребленіе“, какъ сказано въ лѣтописи. Слѣдуетъ упомянуть, что закладка новаго храма на старомъ мѣстѣ не могла быть совершена ужъ потому, что одновременно съ постройкой храма тотъ же помѣщикъ задумалъ, будто бы, подвести р. Вадъ къ барской усадьбѣ, потому что до этого времени рѣка бѣжала не подъ селомъ, какъ нынѣ, а въ полуверстѣ отъ него, подъ самыми лѣсистыми горами, окаймляющими луга Поливановскіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ лѣтописи, для предупрежденія разливовъ рѣки, сдѣланы были разныя сооруженія въ видѣ плотины, водоотводныхъ канавъ и землянаго вала.

О новомъ (т. е. нынѣшнемъ) каменномъ храмѣ въ клировой вѣдомости за 1819 годъ № 105 говорится такъ: „Церковь каменная во имя первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла съ придѣломъ преподобнаго Сергія чудотворца. Построена въ 1810 году и освящена въ 1811 году, Нижнеломовскимъ протоіереемъ Григоріемъ Симилянскимъ“. Дальнѣйшія подробности о состояніи вновь построеннаго храма почерпаемъ изъ клировой вѣдомости за 1822 годъ.

„Иконостасъ и иконы“, говорится въ этой вѣдомости, „неполинялые и не поврежденные; сосуды, двои, серебрянные, позлощенные; ковчегъ и дароносица серебрянные позлащенные; книги церковнаго круга всѣ имѣются; ризница богата“.

Такимъ образомъ, съ самаго начала, новый храмъ имѣетъ не только что все необходимое, но даже блистаетъ отчасти и роскошью какъ относительно утвари, такъ и ризницы и самого, прибавимъ, убранства. И до сихъ поръ производитъ нѣкоторое впечатленіе величественный видъ алтаря съ круглою на столбахъ сѣнью надъ престоломъ и рѣдкая орнаментація широкихъ царскихъ вратъ, на которыхъ, вмѣсто благовѣщенія новозавѣтнаго, изображено благовѣщеніе ветхозавѣтное во образѣ трехъ невѣдомыхъ путниковъ, угощаемыхъ гостепріимнымъ Авраамомъ подъ сѣнью Маврійскаго дуба, позлощенныя вѣтви котораго и составляютъ основу царскихъ вратъ.

Всѣмъ этимъ великолѣпіемъ храмъ обязанъ строителю своему Ивану Андреевичу Чубарову, который по справедливости можетъ считаться главнымъ благотворителемъ и „создателемъ храма сего“.

Прямые наслѣдники Чубарова также непокидали храма своею благотворительностью. Такъ, родной сынъ приснопамятнаго строителя артиллеріи штабсъ-капитанъ Павелъ Ивановичъ Чубаровъ въ 1832 году устроилъ вокругъ храма каменную ограду и еще другой придѣлъ въ трапезѣ во имя Иверской иконы Божіей Матери, а въ 1851 г. 28 апрѣля пожертвовалъ въ пользу храма 600 р. сер. и завѣщалъ, чтобы проценты съ этой суммы, по прошествіи каждыхъ 10 лѣтъ, употреблялись на ремонтировку храма.

Благотворительности генерала Алексѣя Ивановича Чубарова храмъ обязанъ обновленіемъ внутри и снаружи, причемъ, кромѣ обновленія иконостаса, стѣны были украшены прекрасною живописью ризница обогащена церковною утварью и напрестольнымъ облаченіемъ. Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а главное, съ переходомъ села Поливанова отъ Чубаровыхъ къ другимъ владѣльцамъ, немного уже встрѣчается записей о благотворительности со стороны помѣщиковъ; съ этого времени приходившіе въ ветхость части храма возобновляются уже самими прихожанами, а именно: въ 1863 году возобновлены потолки колокольни на сумму въ 90 р. сер.; въ слѣдующемъ 1864 году возобновлены потолки придѣльные въ храмѣ, кромѣ штукатурки, что стоило 150 руб. Въ число этихъ денегъ 45 р. пожертвовалъ священникъ Кипрскій (лѣтописецъ).

Въ 1866 году генералъ Чубаровъ опять вспомнилъ о своемъ приходскомъ храмѣ и на свои средства оштукатурилъ потолки въ придѣлахъ.

Этимъ послѣднимъ извѣстіемъ оканчиваются записи о поддержаніи благоустройства въ храмѣ, которое, безъ сомнѣнія, продолжается и теперь, благодаря заботливости настоятеля и прихожанъ.

V. Поливановское духовенство (1802 и 1886 г.)

По клировымъ вѣдомостямъ приходское духовенство значится подъ двумя категоріями, причемъ къ первой изъ нихъ отнесены: а) служащіе, собственно **штатные** священно-церковно-служители, а по второй: б) **заштатные**, т. е. неслужащіе и **сиротствующіе**, т. е. вдовы и сироты духовныхъ лицъ, состоявшихъ въ приходскомъ штатѣ.

Оффиціальные отмѣтки клировыхъ вѣдомостей, не смотря на видимое разнообразіе, отличаются краткостью, отрывочностью и мало представляютъ матеріала для болѣе или менѣе вѣрнаго сужденія какъ о личностяхъ, такъ и объ условіяхъ жизни приходскаго сельскаго духовенства; тѣмъ не менѣе однако все-таки возможно, хотя и самымъ поверхностнымъ образомъ, взглянуть на положеніе Поливановскаго духовенства въ связи съ различными условіями приходской сельской жизни.

а) Штатные священно-церковно-служители.

Начнемъ **съ матеріальнаго обезпеченія**. По этому предмету въ клировыхъ вѣдомостяхъ съ 1819 и до 1851 года слѣдовательно, въ теченіи 42 лѣтъ, мы

постоянно встрѣчали отмѣтку: „содержаніе духовенства **по видимому**“, или „**вообще скудное**“, и только въ 1851 г. содержаніе это названо „**порядочнымъ**“. Такая перемѣна въ содержаніи Поливановскаго духовенства совпадаетъ съ пожертвованіемъ капитала въ 600 р. ар., которое, въ этомъ году сдѣлалъ въ церковь помѣщикъ Чубаровъ; можно думать, что благотворитель не забылъ при этомъ и духовенство. Какъ бы тамъ ни было, но съ этого времени въ матеріальномъ обезпеченіи Поливановскаго клира мы видимъ поворотъ къ лучшему. Затѣмъ, съ половины 1857 года средства духовенства еще болѣе возрастаютъ вслѣдствіе назначенія, по распоряженію Св. Сунода, духовенству содержанія, размѣръ котораго для Поливановскаго причта простирался до 150 р. сер. въ годъ „по праву шестиклассной церкви“.

Впрочемъ всѣ эти улучшенія состоялись лишь во второй половинѣ текущаго столѣтія; что же касается предыдущаго времени, то Поливановское духовенство, какъ видно, не пользовалось ни какимъ пособіемъ даже и отъ помѣщиковъ, судя по клировой записи, что „отъ помѣщиковъ ни какой руги не производится“, вслѣдствіе чего матеріальное обезпеченіе четырехъ лицъ Поливановскаго церковнаго причта заключалось, главнымъ образомъ, въ 33 десятинахъ „пашенной и сѣнокосной земли“ при 525—584 душахъ „мужескаго пола“ прихожанъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что независимо отъ сказаннаго, „домы у священно-церковно-служителей“ были „собственные, деревянные“, стоявшіе „на церковной землѣ.“

Наравнѣ съ матеріальными средствами невысоко было и **научное образованіе** Поливановскаго духовенства въ разсматриваемый нами періодъ времени. Такъ, объ одномъ изъ священниковъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ напр. упомянуто, что онъ „ариѳметики не знаетъ.“

Вообще изъ 22 лицъ священно-церковно-служителей, только одинъ священникъ Кипрскій (лѣтописецъ) значится окончившимъ курсъ въ семинаріи, да двое изъ причетниковъ дьячки: **Герасимъ Павловъ и Иванъ Лаврентьевъ** показаны обучавшимися въ Пензенской семинаріи „до синтаксиса“. Что же касается до остальныхъ 19 лицъ священно-церковно-служителей, то въ числѣ ихъ встрѣчаются или исключенные „изъ низшаго отдѣленія“ Нижнеломовскаго духовнаго училища „за неспособностью“ или же „по семейнымъ обстоятельствамъ“, причемъ одинъ изъ причетниковъ пономарь **Алексѣй Ивановъ** показанъ обучавшимся въ какой-то „русской школѣ“ въ г. Нижнемъ-Ломовѣ.

Но если не окончившіе семинарскаго курса священно-служители были людьми, такъ сказать, „безкнижными“, неучеными, то не могли похвалиться своею ученостью даже и тѣ изъ нихъ, которымъ посчастливилось добиться окончанія курса. Такъ, напр., священникъ Кипрскій, „просвѣщеннѣйшій“, по степени образованія, изъ Поливановскихъ пастырей,—свидѣтельствуетъ о томъ на страницахъ памятной книги,—жалуясь на недостаточность полученнаго имъ въ семинаріи образованія, гдѣ, по словамъ „лѣтописца“ преобладала главнымъ

образомъ „зубристика“, доступная лишь „завзятымъ зубриламъ“ или людямъ обладающимъ хорошею памятью.

Впрочемъ недостатокъ научной подготовки, какъ видно, не былъ тогда препятствіемъ и съ низшихъ степеней церковной іерархіи, такъ сказать, „съ пономарскаго чина“ восходить не только „до сана діаконскаго“, но даже и до самаго священно-іерейства. „Нѣкоторое понятіе“ о катихизисѣ, знаніе „обязательства“, да умѣлое „чтеніе и пѣніе по нотѣ“, считалось въ то время достаточной подготовкою къ пастырской дѣятельности, которая ограничивалась исключительно лишь обрядовою церковною службою и исполненіемъ требъ въ приходѣ.......

Поливановскій причтъ въ этомъ отношеніи былъ достаточно свѣдущъ, потому что объ каждомъ изъ причетниковъ встрѣчаются отмѣтки! „пѣть по нотѣ умѣетъ“; „въ чтеніи, пѣніи и служеніи хорошъ“, или „хорошо умѣетъ“.

Относительно **нравственности** Поливановскаго духовенства трудно сказать что либо опредѣленное: въ клировыхъ вѣдомостяхъ, на этотъ счетъ: мы находимъ лаконическія отмѣтки: „состоянія добропорядочнаго“, или „хорошаго“ или слабаго“, но что собственно подразумѣвалось подъ такимъ опредѣленіемъ, разгадать довольно трудно. По догадкамъ напр. подъ словомъ „состоянія слабаго“, можно подозрѣвать нетрезвое поведеніе, такъ какъ священникъ **Лаврентій Петровъ**, къ которому относится подобная отмѣтка, велъ въ то время (въ 1819 году) нетрезвую жизнь, а въ 1821 году, подъ вліяніемъ подобной жизни, совершилъ даже уголовное преступленіе—убилъ своего роднаго отца“,*) священника села Чернышева Петра Парфенова, за что и былъ сосланъ въ сибирь.

Въ 1831 году подобное же злоупотребленіе спиртными напитками довело, можетъ быть, и сына несчастнаго священника Лаврентія, дьячка **Илью Лаврентьева**, какъ и его **товарища** пономаря **Алексѣя Иванова**, до того, что оба они „за непристойные поступки“ были исключены изъ духовнаго вѣдомства, при чемъ дьячекъ Илья Лаврентьевъ, сверхъ того, „былъ отосланъ„ въ военное вѣдомство, т. е. сданъ въ солдаты. Далѣе, по свидѣтельству священника Кипрскаго, предмѣстникъ его священникъ Павелъ Васильевичъ Викторовъ въ 1856 году, „за нетрезвое поведеніе, засвидѣтельствованное благочиннымъ и людьми (прихожанами вѣроятно) лишенъ скуфьи“**) и уволенъ въ заштатъ.

Несмотря впрочемъ на приведенные факты можно думать, что Поливановское духовенство, во всякомъ случаѣ особой нетрезвостью неотличалось, такъ какъ изъ 22 лицъ церковнаго причта, въ теченіи 56 лѣтъ только—**четверо** пострадали за нетрезвость, причемъ послѣдній изъ нихъ, священникъ Викторовъ, замѣченъ былъ въ своей слабо-

---

*) Клировая вѣдомость за 1821 годъ, эту вѣдомость можно и теперь найти въ архивѣ Сергіево-Поливановской церкви.

**) Памятная книга Поливановской церкви, собственноручная запись священника Кипрскаго.

сти лишь на 35-мъ году своей службы.

Проступковъ по должности. Поливановское духовенство почти не совершало за исключеніемъ священника Викторова, за которымъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ значится „подсудность" за повѣнчаніе брака въ родствѣ въ 1839 г., и „выговоръ" въ 1851 году за выдачу метрической выписи „безъ сображенія съ документами".

Переходя теперь **къ заслугамъ**, оказаннымъ Поливановскимъ духовенствомъ, мы должны сказать, что и поэтому предмету въ церковныхъ документахъ заключается весьма мало свѣдѣній; изъ всѣхъ, служившихъ при Поливановскомъ храмѣ болѣе другихъ награжденнымъ можно считать лишь одного священника Павла Васильева Викторова, который въ течени своей 35-лѣтней въ санѣ священника службы былъ награжденъ, въ 1836 году, набедренникомъ, а въ 1846 году „черною" скуфьею. Что же касается до остальныхъ членовъ причта, то они были награждаемы или посвященіемъ въ стихарь или возведеніемъ въ саны діаконскіе и даже священническіе.

Такимъ путемъ достигли священства и упомянутые выше священники Лаврентій Петровъ и Павелъ Викторовъ, а по всей вѣроятности и ихъ предшественники; въ санъ діакона возведены дьячки: Герасимъ Павловъ и Иванъ Лаврентьевъ, а дьячекъ Илья Лаврентьевъ посвященъ былъ въ стихарь на другой же годъ по поступленіи своемъ на службу.

Но за какія, собственно, отличія сказанныя лица получили награды—никакихъ указаній на этотъ счетъ мы не встрѣтили, какъ не нашли мы и свѣдѣній о пастырской дѣятельности Поливановскаго духовенства, за исключеніемъ лишь свидѣтельства **о самомъ себѣ** священника Кипрскаго, который записалъ въ памятную книгу какъ о своихъ трудахъ и даже пожертвованіяхъ на обновленіе храма, а также и о заведенной имъ въ 1863 г. приходской школѣ, закрытой за тѣмъ, три года спустя, за отсутствіемъ желающихъ обучаться въ ней...

Прилагаемъ при семъ

списокъ священно-церковно-служителей Поливановскихъ, (съ 1802—1886 г.)

А) Священники.

1. Савва Өедоровъ 1802 г. 2. Отецъ Дометій до 1811 г. 3. Леврентій Петровъ съ 1811—1821 г. 4. Кириллъ Ивановъ съ 1821—1822 г. 5. Павелъ Васильевъ Викторовъ съ 1822—1857 г. 6. Николай Андреевъ Кипрскій съ 1857—1876 г. 7. Александръ Акинфіевъ Воронцовъ съ 1876—1886 г.

Б) Діаконы.

1. Петръ Стефановъ до 1809 г. 2. Иванъ Савинъ съ 1809—1810 г. 3. Лаврентій Петровъ съ 1810—1811 г. 4. Өедоръ Семеновъ съ 1811—1837 г. 5. Иванъ Лаврентьевъ 1837—1865 г. 6. Өедоръ Архангельскій съ 1865 г. на дьяческой вакансіи.

В) Дьячки.

1. Арефій Алексѣевъ до 1815 г. 2. Герасимъ Павловъ съ 1815—1823 г. 3. Илья Лаврентьевъ съ 1823—1831 г. 4. Иванъ Лаврентьевъ съ 1832—1837

г. 5. Николай Ивановъ Гусевъ съ 1840—1846 г. 6. Петръ Ивановъ Тихомировъ съ 1846—1865 г. 7. Өедоръ Васильевъ Голубинскій съ 1865—1871 г.

Г) Пономари.

1. Михаилъ Савинъ до 1813 г. 2. Алексѣй Ивановъ Дмитріевъ съ 1813—1831 г. 3. Иванъ Алексѣевъ Димитріевъ съ 1841—1842 г.*) 4. Иванъ Андреевъ Лавровъ съ 1846—1853 г. 5. Өедоръ Васильевъ Голубинскій съ 1853—1865 г.

Д) Просвирни.

1. Вдова дьякона Агрипина Яковлева съ 1820—1846 г. 2. Вдова крестьянка Анисья Потапова съ 1846 г.

Е) Ктиторы Церковные

1. Временно-обязанный крестьянинъ села Поливанова, Федоръ Порфирьевъ Поляковъ съ 1862—1865 г. 2. Того же села крестьянинъ Косьма Михайловъ Зайцевъ съ 1865 г.

Ж) Церковный сторожъ.

Дворовый человѣкъ Семенъ Галактіоновъ Бажановъ съ 1864 г.

б) Заштатные и сиротствующіе Поливановскаго причта.

Подъ этимъ заглавіемъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ значатся вдовы и сироты приходскаго духовенства, а также и тѣ изъ священно-церковно-служителей, которые по преклонности лѣтъ или по болѣзненному состоянію уволены за штатъ и, вмѣстѣ съ вдовами и сиротами своихъ умершихъ собратій, состояли на попеченіи духовнаго вѣдомства.

Попеченіе духовенства о своихъ „сиротствующихъ" состояло въ зачисленіи за ними штатныхъ приходскихъ мѣстъ, (съ правомъ пользоваться доходами); въ пріемѣ сиротъ мальчиковъ на казенное содержаніе въ учебныя заведенія духовнаго вѣдомства, а по окончаніи курса въ оныхъ, а иногда даже и раньше, въ опредѣленіи ихъ на службу въ приходы, гдѣ служили отцы ихъ.

Что-же касается до сиротъ-дѣвочекъ, то представлялось право пріискивать для нихъ жениховъ, которые и опредѣлялись затѣмъ на зачисленное за сиротой „праздное мѣсто".

Нерѣдко случалось, что сироты-кандидаты на приходскую должность вступали на дѣйствительную службу въ совершенно юномъ возрастѣ, лѣтъ напр. 15-ти, и мало того,—имъ разрѣшалось даже жениться ранѣе опредѣленнаго дня того возраста.

Такъ, въ Поливановскомъ приходѣ дьячекъ Илья Лаврентьевъ вступилъ въ бракъ 16-ти лѣтъ отъ роду, а въ слѣдующемъ году былъ посвященъ даже въ стихарь.

Въ иныхъ случаяхъ сиротствующіе напр. вдовы пользовались небольшими (25 р. въ годъ) пособіями отъ духовнаго вѣдомства, какъ это мы видимъ въ Поливановскомъ приходѣ въ одномъ случаѣ; большею частію, впрочемъ, сиротствующіе вдовы опредѣлялись приходскими просвирнями и „питались" не столько отъ своей профессіи, сколько „отъ доброхотнаго подаянія", какъ объ

---

*) Съ 1831—1841 года пономарское мѣсто числилось за Иваномъ Алексѣевымъ Дмитріевымъ.

этомъ упоминается въ клировыхъ вѣдомостяхъ.

Заботясь о пропитаніи своихъ сиротствующихъ, духовенство наше неограничивается въ отношеніи ихъ одною только этою заботою, но въ тоже время и зорко слѣдитъ за дальнѣйшею судьбою опекаемыхъ имъ лицъ. Вслѣдствіе этого въ клировыхъ вѣдомостяхъ всегда имѣются отмѣтки, касающіяся всѣхъ перемѣнъ какъ въ личномъ составѣ сиротствующихъ семействъ, такъ равно и относительно важныхъ событій ихъ жизни;—такъ что желающему открывается полная возможность прослѣдить по клировымъ вѣдомостямъ, какъ генеалогію, такъ и исторію фамилій священно-церковно-служительскихъ.

Чѣмъ-же, однако, обусловливается эта забота духовнаго вѣдомства со стороны самихъ сиротствующихъ; принимаются-ли при этомъ въ разсчетъ заслуги отцевъ, безпорочность служенія или его большая или меньшая продолжительность, какъ это водится въ другихъ вѣдомствахъ? Ничего подобнаго нельзя сказать въ отношеніи духовнаго вѣдомства: заслуги, безпорочность служенія и его продолжительность, повидимому, особаго здѣсь значенія неимѣютъ, а принимается въ разсчетъ одна лишь **необходимость** въ пособіи и принадлежность къ духовному вѣдомству. Относительно заботъ къ обезпеченію своихъ сиротствующихъ наше духовенство опередило всѣ другія сословія, возвысившись до осуществленія идеи истинной христіанской любви, которая „все покрываетъ и никогда не перестаетъ". (I Коринѳ. 13 - 7, 8.)

Посмотримъ на кого изливаются щедроты, напримѣръ, въ Поливановскомъ приходѣ. Въ клировой вѣдомости 1822 года въ числѣ сиротствующихъ упоминается вдова, „сосланнаго въ Сибирь за убійство роднаго отца", священника Лаврентія Петрова, **Ксенія Петрова** съ шестерыми дѣтьми, изъ коихъ за старшимъ изъ мальчиковъ Ильею Лаврентьевымъ „числится" дьячковское мѣсто, (а слѣдовательно и получаются доходы), въ то время когда онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Иваномъ, обучается „на казенномъ коштѣ" въ Нижне-Ломовскомъ духовномъ училищѣ.

Въ 1825 году Илью Лаврентьева, имѣющаго не болѣе 15 лѣтъ отъ роду, мы видимъ уже въ Поливановскомъ приходѣ дьячкомъ, а въ слѣдующемъ 1826 году,—даже женатымъ на **Еленѣ Поликарповой**.

Съ этого времени содержаніе сиротствующей семьи всецѣло уже возлагается на молодаго дьячка; но когда къ 1829 году у него родится двое дѣтей и содержаніе семьи слѣдовательно становится затруднительнѣе, то мать его вдова Ксенія Петрова съ дочерью **Евдокіей** получаетъ отъ духовнаго вѣдомства пособіе въ размѣрѣ 25 р. сер. въ годъ, а братъ Илья **Ивановъ**, являющійся съ этого времени подъ фамиліей **Доброхотова**, въ слѣдующемъ 1830 году опредѣленъ въ Керенской Покровской церкви пономаремъ, тогда какъ младшій братъ **Григорій** въ тоже время принятъ въ Пензенскую духовную семинарію „на полукоштное содержаніе".

Такимъ образомъ сиротствующее се-

мейство священника, сосланнаго въ Сибирь, благодаря заботливости духовнаго вѣдомства, существуетъ, хотя и небогато, но безпечально, имѣя во всякомъ случаѣ „хлѣбъ насущный“,*) который только и составляетъ существенную необходимость.

Въ 1831 году семью эту постигаетъ горе, взывающее о помощи къ духовному вѣдомству: молодой дьячекъ Илья Лаврентьевъ, вмѣстѣ съ сослуживцемъ своимъ пономаремъ **Алексѣемъ Ивановымъ**, совершаетъ какія-то „непристойные поступки“, за которые его сдаютъ въ солдаты, а пономаря исключаютъ изъ духовнаго вѣдомства.

Оставшіяся послѣ нихъ семьи, несмотря на „непристойные поступки“ отцевъ, непокидаются на произволъ судьбы, а поступаютъ въ разрядъ сиротствующихъ, причемъ въ Поливановскій приходъ, на мѣсто дьячка Ильи Лаврентьева, переводится изъ Керенска его родной братъ Иванъ, а за малолѣтнимъ сыномъ исключеннаго пономаря Алексѣя Иванова зачисляется его пономарское мѣсто, „съ тѣмъ“, какъ сказано въ клировой вѣдомости, „чтобы они (семья пономарская) старались о пріисканіи себѣ зятя“.

Въ 1838 году окончилъ курсъ въ семинаріи младшій братъ дьячка Ильи Лаврентьева Григорій и опредѣленъ священникомъ въ с. Унуевскій Майданъ, Инсарскаго уѣзда, тогда вдовствующая мать ихъ переселилась въ 1841 году изъ с. Поливанова въ Инсарскій уѣздъ къ сыну священнику на томъ основаніи, что у другаго ея сына Ивана, (у котораго она проживала) хотя и достигшаго дьяконскаго сана,—къ этому времени прибавилось семейство и жить ему стало труднѣе.

Въ 1857 году за смертью дьякона Ивана Лаврантьева Доброхотова мы находимъ въ числѣ сиротствующихъ и его семью: вдову **Анну Николаеву** съ пятерыми дѣтьми, причемъ за сыномъ ея **Зиновіемъ** числится пономарское мѣсто. Изъ **заштатныхъ** въ Поливановскомъ приходѣ упоминается только одинъ священникъ **Павелъ Васильевъ Викторовъ**, о которомъ сказано, что онъ находится на пропитаніи у своего двоюроднаго внука священника Кипрскаго и получаетъ ежегодно **одну десятину въ полѣ.**

в) Епархіальная зависимость прихода.

Изъ документовъ видно, что Поливановскій приходъ въ административномъ отношеніи первоначально, до 1805 года, состоялъ въ Тамбовской Епархіи, а затѣмъ когда въ этомъ году была учреждена каѳедра въ Пензѣ, перечисленъ въ Пензенскую Епархію. Оказывается также, что въ первые годы существованія вновь учрежденной Епархіи духовнаго правленія въ г. Керенскѣ не

---

*) Обезпечивая своимъ сиротствующимъ необходимое пропитаніе духовное вѣдомство дальнѣйшее улучшеніе благосостоянія предоставляетъ иниціативѣ и способностямъ самихъ призрѣваемыхъ; нельзя не согласиться, что это вполнѣ раціонально и согласно съ человѣческимъ достоинствомъ съ извѣстной точки зрѣнія.

было, а вѣдало приходы Керенскіе Нижне-Ломовское духовное правленіе, къ которому отъ Поливановскаго прихода представляются клировыя вѣдомости, метрическія книги и духовныя росписи. Что же касается до благочинія, то Поливановскій приходъ принадлежалъ къ благочинію Керенскому, такъ какъ благочинными здѣсь мы встрѣчаемъ Керенскихъ городскихъ священниковъ. Епархіальная власть, въ лицѣ Іерарховъ, какъ видно изъ лѣтописи, неособенно часто заглядывала въ приходъ. О посѣщеніи, напримѣръ, Тамбовскихъ владыкъ въ лѣтописи совсѣмъ неупоминается, а изъ Пензенскихъ архіереевъ, преданіе указываетъ на извѣстнаго Епископа **Иринея** (Несторовича), который 24 Іюля 1830 года посѣтилъ село Поливаново; къ сожалѣнію только „преданіе" не сообщаетъ никакихъ подробностей объ этомъ посѣщеніи грознаго владыки.

Несравненно съ большими подробностями записано въ лѣтописи о посѣщеніи послѣдующихъ Іерарховъ, какъ напр: **Амвросія II** (Морева), **Антонія I** и, въ особенности **Епископа Варлаама**, который, подобно отдаленному своему предмѣстнику Иринею, стяжавъ себѣ репутацію строгаго, взыскательнаго и нелицепріятнаго владыки, быть можетъ, произвелъ въ приходѣ впечатлѣніе, наиболѣе глубокое чѣмъ прочіе Іерархи.

Описывая ревизію сего архіерея лѣтописецъ нескупится даже на нѣкоторыя подробности, причемъ упоминаетъ даже о личномъ составѣ свиты его преосвященства. Вотъ эта запись:

„Въ 1856 году Іюня 14 дня прибылъ въ с. Поливаново Варлаамъ Епископъ Пензенскій и Саранскій, который слушалъ въ сей церкви повечеріе и производилъ мѣстному причту экзаменъ; присемъ мѣстный священникъ Павелъ Викторовъ былъ лишенъ скуфьи".

Чрезъ три года, т. е. въ 1859 году Іюля 30 го, Преосвященный Варлаамъ въ другой разъ посѣтилъ Поливановскій храмъ и слушалъ полунощницу и утреню до канона, и между прочимъ произвелъ экзаменъ мѣстному и „Дураковскому" (т. е. с. Дуракова) священникамъ, а также смотрѣлъ духовныя росписи. Въ тоже время прибывшіе съ Преосвященнымъ Саранскаго монастыря Архимандритъ Аркадій экзаменовалъ причетниковъ, а ключарь Пензенскаго собора Ѳедоръ Эмануйловичъ Пантелѣевскій повѣрялъ церковные документы какъ мѣстной церкви, такъ и церквей с. Дуракова и с. Лундана, священники которыхъ были вызваны въ село Поливаново. Кромѣ упомянутыхъ лицъ свиту преосвященнаго составляли: протодіаконъ Іосифъ Андреевъ и продіаконы и пѣвчіе.

Третье посѣщеніе преосвященнаго Варлаама было въ 1862 году августа 17 дня въ то время, когда онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа и ожидалъ назначенія въ Тобольскъ. Свиту архіерейскую составляли: Пензенскаго собора протоіерей Козьма Романовичъ Романовъ, протодіаконъ Іосифъ Андреевъ и пѣвчіе. Преосвященный слушалъ повечеріе и полунощницу и экзаменовалъ мѣстный причтъ, а протоіерей ревизовалъ церковные документы.

О посѣщеніи послѣднихъ двухъ ар-

хіереевъ говорится въ лѣтописи короче. Такъ, о Епископѣ Амвросіѣ сказано, что онъ въ первый пріѣздъ свой, въ 1836 году, служилъ въ Поливановской церкви литургію и наградилъ набедренникомъ приходскаго священника Павла Викторова, оштрафованнаго 20 лѣтъ спустя епископомъ Варлаамомъ. „Вообще же“, замѣчаетъ лѣтописецъ, „сей іерархъ по знакомству съ помѣщикомъ Павломъ Ивановичемъ Чубаровымъ, часто посѣщалъ Поливановскій храмъ.“ Легко могло быть, что въ виду частыхъ архіерейскихъ пріѣздовъ и архіерейскаго служенія угодливый помѣщикъ позаботился объ устройствѣ изящнаго иконостаса съ широкими царскими вратами.

О посѣщеніи епископа Антонія I, въ лѣтописи находится слѣдующая замѣтка: „въ 1867 году Августа 28 посѣтилъ храмъ Поливановскій преосвященный Антоній, пріѣхавшій безъ свиты, съ однимъ лишь келейникомъ и мѣстнымъ благочиннымъ; экзаменовалъ причетниковъ, осматривалъ храмъ, церковные документы и предложилъ поученіе народу на счетъ исполненія воли Божіей.

VI. Сельская хроника. (1838—1873).

Жизнь сельскаго населенія, протекая среди природы, въ тѣсномъ кругу сельско-хозяйственныхъ занятій земледѣльческаго быта, знаменуется преимущественно и событіями, имѣющими непосредственную связь или съ явленіями природы, или же съ различными сторонами сельскаго быта, въ которомъ все такъ просто, мелочно и обыденно, что и хроника этого быта, хроника сельской жизни, кромѣ простыхъ, будничныхъ такъ-сказать фактовъ, ничего другаго, большею частію, заключать въ себѣ неможетъ.

Поэтому главный предметъ сельской хроники составляютъ ничто иное, какъ воспоминанія объ урожаяхъ, неурожаяхъ, моровыхъ повѣтріяхъ, пожарахъ, небесныхъ знаменіяхъ и другихъ случаяхъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ сельскому быту, невыходящихъ изъ сферы ближайшихъ интересовъ сельскаго жителя.

Начнемъ съ событій первой важности, коснемся, прежде всего **урожаевъ и неурожаевъ.**

Относительно „хлѣбородія“ Поливановскій приходъ пережилъ, въ сказанный періодъ времени, **два неурожая**, отмѣченныя въ лѣтописи,—первый съ 1838—1842 года, и второй, болѣе продолжительный, съ 1857—1864 года. По свидѣтельству лѣтописи, самыми голодными годами были 1838 и 1841 годы, когда, „рѣдкій изъ крестьянъ питался хлѣбомъ безъ какой-либо примѣси“. Съ этою голодовкою, по всей вѣроятности имѣетъ связь и „нѣкоторая болѣзнь въ народѣ“, записанная въ лѣтописи подъ 1840 годомъ и выражавшаяся „опухолью тѣла“, отъ которой, по тому-же свидѣтельству, „умерло много“....

Позднѣйшій, второй неурожай 1857—1864 годовъ, не смотря на свою продолжительность, не былъ вѣроятно особенно ощутителенъ для народонаселенія, потому что относился только къ „гречи“, которая рѣшительно неуродилась въ эти годы „отчасти по бездож-

дію, отчасти по причинѣ мглы", какъ объясняетъ лѣтописецъ.

Изъ **урожайныхъ** годовъ самымъ хлѣбороднымъ въ лѣтописи значится 1850 годъ, „дождливый и громоносный, впрочемъ безъ всякаго повреждения".

„1862 годъ былъ довольно плодороденъ на **ржаной хлѣбъ**; ржи были и нажинисты, (на 40-й десятинѣ отъ 15—20 копенъ), и умолотны тѣмъ, что были слишкомъ наливны, неимѣвши почти оси. Съ копны намолачивалось отъ 5—7 мѣръ".

„1864 годъ былъ нѣсколько менѣе урожайнымъ, по причинѣ совершеннаго бездождія въ течении всего лѣта; но такъ какъ весною были дожди, то ржаной хлѣбъ былъ довольно нажинистъ и наливомъ хорошъ. Въ огородахъ было плохо, тожъ и въ яровомъ полѣ. Озимые всходы были очень плохи; подъ конецъ было взошли хорошо, но отъ осенняго холода не могли развернуться достаточно".

„1866 годъ былъ урожайнымъ на ржаной хлѣбъ. Въ этомъ году съ 1-го октября и до 1 января были почти ежедневные **проливные дожди**".

„1870 годъ. Ржаной хлѣбъ былъ хотя неочень умолотенъ, но нажинистъ; овсы были богатые. Въ народѣ чувствовалось довольство въ хлѣбѣ".

Въ лѣтописи, къ сожалѣнію, ничего неупоминается о томъ, какимъ образомъ крестьянство боролось съ столь страшнымъ для сельскаго жителя бѣдствіемъ, какъ напримѣръ голодъ; да едва-ли, впрочемъ, что либо было и предпринято, въ этомъ отношеніи Поливановскими прихожанами, исключая развѣ молебствій, да обливанія водой священно-церковно-служителей и т. п. мѣръ, свидѣтельствующихъ о человѣческомъ безсиліи въ отношеніи космическихъ силъ природы.

Столь же безпомощными оказывались Поливановскіе прихожане и во время постигавшихъ ихъ, „моровыхъ повѣрій" на людяхъ и на скотѣ.

Изъ эпидемій свирѣпствовала въ 1848 и въ 1871 годахъ **холера**, отъ которой въ 1871 году, въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ отъ іюля до сентября, въ с. Поливановѣ умерло до 90 человѣкъ, а въ 1848 году, безъ сомнѣнія, жертвъ холеры было значительно больше, потому что въ то время врачебная помощь въ уѣздѣ была, сравнительно, менѣе обезпечена, чѣмъ въ 1871 году, когда уже существовали земскія учрежденія и земская медицина.

По этому поводу лѣтописецъ замѣчаетъ, что независимо отъ существовавшей медицинской помощи, крестьяне во время холеры прибѣгали и къ разнымъ домашнимъ средствамъ, а именно: „полърюмки чистаго дегтя съ водкой на тощакъ; и тѣмъ-же дегтемъ, для очищенія воздуха, надушали комнату"; и наконецъ другое еще средство: „три раза въ день по рюмкѣ водки съ чайной ложкой толченаго перца".

По увѣренію лѣтописца „польза отъ этого открывалась на опытѣ: неоткрывалось тошноты и недавало слабить".... Какъ видно, однако, немного пользы приносили эти хвалимыя лѣтописцемъ средства, по его же свидѣтельству, болѣзнь въ Поливановѣ свирѣпствовала не на шутку: „въ одинъ день выносили

на кладбище по 7-ми покойниковъ;— умирали цѣлыми семействами". Паническій ужасъ, наведенный такою смертностью на крестьянъ, дошелъ до того, что „къ погребенію изъ сосѣдей никто неходилъ; всѣ прятались, отчего часто случалось, что около покойниковъ находилось только двое носильщиковъ".

Но кромѣ холерныхъ эпидемій переживались населеніемъ Поливановскимъ и другія повальныя болѣзни, поражавшія исключительно дѣтей.

Объ одной изъ этихъ эпидемій упоминаетъ и лѣтопись. Эпидемія названа „повальною сыпью", что заставляетъ предполагать корь или скарлатину, которая, появившись въ 1858 году въ январѣ мѣсяцѣ, была настолько опустошительна, что въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, января и февраля, отъ нея умерло 51 человѣкъ дѣтей въ возрастѣ отъ 1—7 лѣтъ.

Надо замѣтить, что независимо отъ эпидемій, смертность дѣтей въ Поливановскомъ приходѣ всегда достигала высокой цифры. Такъ, во время голоднаго 1841 года по метрической книгѣ за этотъ годъ значится въ Поливановѣ умершихъ дѣтей „отъ колики" 78 человѣкъ; въ 1848 году умерло дѣтей отъ той-же болѣзни 46 человѣкъ; въ 1850 — 40 человѣкъ дѣтей; въ 1852-мъ— 50 человѣкъ, а въ 1855-мъ 43 человѣка дѣтей. Причины столь преждевременной гибели нарождающагося поколѣнія надо искать въ гигіеническихъ и бытовыхъ условіяхъ крестьянской жизни, въ несоотвѣтствующемъ возрасту и скудномъ питаніи, въ неопрятности и въ пренебреженіи простудой.

Изъ эпизоотій, т. е. повальныхъ болѣзней домашнихъ животныхъ записана въ лѣтописи одна лишь **чума** рогатаго скота, случившаяся въ 1859 году съ іюня по октябрь.

„Былъ моръ на рогатый скотъ", такъ начинаетъ объ этомъ лѣтописецъ, и затѣмъ съ большею обстоятельностью сообщаетъ слѣдующія подробности:

„Кто-то изъ крестьянъ, (поливановскихъ), привелъ съ завода (Суворовскаго), гдѣ моръ держался уже третій (?) годъ, заразную корову". Эта корова на третій день пала и зарыта была на выпускѣ (выгонѣ)", на сей ямѣ", (въ которой была зарыта павшая корова) заразились господскіе волы, а потомъ и мірской скотъ. Всѣ господскіе волы до одного, и мірской скотъ пали, такъ что изъ огромнаго количества скота осталось во всемъ селѣ и въ барской экономіи, съ полугодовыми, **не болѣе ста головъ.**

Весьма любопытны средства, къ коимъ прибѣгали крестьяне въ борьбѣ съ эпизоотіей, „употребляли, выданное изъ аптеки, пойло, составленное изъ мѣлу; прижигали коровамъ бока раскаленнымъ желѣзомъ; пользовали болотными корнями, кормили скотъ рыбой свѣжей и соленой, **даже живой**, мазали рты дегтемъ съ чеснокомъ, дѣлали кровопусканіе изъ хвоста и ушей; кормили перезженой **ежевой шкурой** или **вообще** (?) **ежемъ**, отливали водой" и т. п., причемъ „діета была—поспа". „Но", замѣчаетъ лѣтописецъ, „ничего не помогло: коровы стельныя, которыя въ болѣзни выкинули,—остались въ живыхъ, а господское стадо, пасшееся сначала мора въ лѣсу, было уцѣлѣло, но за тѣмъ

пало. Нѣкоторые пытались было держать скотину въ хлѣвахъ, но и эта скотина падала".

„Изъ пользующихъ средствъ оказались **какъ-бы** достойными вниманія по рѣдкимъ, случайнымъ опытамъ слѣдующія: кормить здоровую и за тѣмъ больную скотину жженымъ ежемъ; курить навозомъ, а языкъ мазать медомъ; когда же скотина ничего не ѣстъ—кормить солеными огурцами и недавать излишняго пойла".

„По прекращеніи болѣзни навозъ и шкурье въ селеніи недержать".

Замѣтимъ при этомъ, что относительно эпизоотіи, такая же участь постигла и селенія, расположенныя по теченію р. Вада.

На ряду съ урожаями, неурожаями и моровыми повѣтріями памятны для Поливановскихъ жителей и **пожары** и, можетъ быть, главнымъ образомъ потому, что стали случаться, по свидѣтельству лѣтописи, „послѣ слишкомъ ста лѣтъ (?) благополучныхъ".

Первый пожаръ случился въ 1857 г. „въ послѣдней его четверти", слѣдовательно въ концѣ осени или въ началѣ зимы, и случился „на разсвѣтѣ при сильномъ вѣтрѣ", но сгорѣло всего лишь 10-ть дворовъ „отъ храма на западъ", слѣдовательно на-такъ называемыхъ „выселкахъ". Причиною пожара была неосторожность, столь обыкновенная въ крестьянскомъ быту. Другой пожаръ, и несравнено большихъ размѣровъ, былъ въ 1870 г. наканунѣ Троицына дня" въ полдень, отъ неизвѣстной причины, причемъ сгорѣлъ цѣлый порядокъ въ числѣ 42-хъ дворовъ; „отъ Стеклянникова до Ѳадеева",—опредѣляетъ мѣсто пожара лѣтопись. Можно себѣ представить какой ужасъ и переполохъ произвелъ этотъ пожаръ между поселянами; немало горя и убытковъ принесъ онъ болѣе потому, что общество Поливановское въ это время, первый годъ послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, было на оброкѣ и начинало помышлять о выкупѣ.

Третій пожаръ въ Поливановскомъ приходѣ относится къ дер. Свищевой и случился въ 1873 году въ началѣ іюля. Пожаръ ограничился, впрочемъ, 12-ю дворами, начиная „съ Ефима Юханова и Кузьмы Тарасова Рыкалова, а отсюда съ Степана Яковлева Сяпунова и до Василья Сидорова Захарова".

Занесено въ лѣтопись также о **святотатствѣ**, совершенномъ въ 1865 году 11-го апрѣля, „что было въ недѣлю Св. Апостола Ѳомы", причемъ изъ мѣстной церкви выкрадено, во время обѣда, 80 р. сер. Виновникомъ этой кражи оказался свой прихожанинъ, временно-обязанный крестьянинъ г. Чубарова Григорій Романовъ Трухинъ, который „за сей поступокъ и сосланъ въ Сибирь безвозвратно". Преступника изобличилъ „почти пополамъ перерубленный двугривенный", находившійся въ числѣ церковныхъ денегъ и отданный имъ въ питейномъ заведеніи за водку.

Небесныя знаменія, производящія на сельскаго жителя всегда сильное впечатлѣніе, также незабыты лѣтописцемъ: Въ 1842 году іюля 26 дня, въ 9 часовъ утра, было **„затмѣніе солнца"**, продолжавшееся около 5 минутъ.

Такое-же затмѣніе солнца было и

въ 1851 году 16 іюля, въ 4 часа пополудни и продолжалось около 15-ти минутъ.

Въ 1858 году, съ 1-го сентября по 29-е, послѣ солнечнаго захода появлялась **комета** съ длиннымъ хвостомъ. Видима она была до полуночи, за тѣмъ скрывалась, а передъ утреннею зарею опять появлялась на небѣ. Когда комета окончательно скрылась изъ виду, то въ народѣ ходили разсказы о томъ, что будто-бы комета, исчезая съ неба, коснулась своимъ хвостомъ Средиземнаго моря „и море отъ этого закипѣло на 80 ворстъ, а все живое на этомъ пространствѣ сварилось".

О знаменитой эпохѣ **освобожденія крестьянъ** отъ крѣпостной зависимости, записано въ лѣтописи, такъ:

„1861 года марта 15 дня въ семъ селеніи обнародованъ въ храмѣ, въ присутствіи непремѣннаго засѣдателя, Высочайшій манифестъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, данный въ 19 день февраля сего года. Апрѣля же 4-го выданы крестьянамъ экземпляры о правахъ и обязанностяхъ сихъ крестьянъ".

Припомнимъ, что въ это время въ Чембарскомъ и Керенскомъ уѣздѣ было волненіе крестьянъ по поводу обнародованія Высочайшаго манифеста,—но насколько намъ извѣстно Поливановскіе прихожане оставались все время спокойны и невыходили изъ повиновенія властямъ.

Въ церковныхъ документахъ мы нашли записи и о другихъ болѣе мелкихъ событіяхъ Поливановской жизни, которыя, въ свое время, безсомнѣнія произвели на сельскихъ жителей также немалое впечатлѣніе.

Такъ, въ 1834 году „утопла" дѣвица Евдокія Иванова, а въ 1837 г. такой же участи подвергся мальчикъ Иванъ Анисимовъ, которому было отъ роду всего лишь одинъ годъ. Въ 1841 году, въ теченіи лѣта, утонули три дѣвочки: Авдотья Митрофанова 4 лѣтъ, Устинья Григорьева 11 лѣтъ и дер. Свищевой Дарья Семенова.

Остается загадкой, при этомъ, какимъ образомъ могъ утонуть, напр. мальчикъ Иванъ Анисимовъ, которому было отъ роду всего лишь одинъ годъ?

VII. Изъ области статистики.

Движеніе народонаселенія. Въ періодъ времени съ 1802—1852 годъ, т. е. за 50 лѣтъ было **родившихся** 2115 человѣкъ обоего пола, **сочеталось бракомъ:** 433 пары, **умерло** 1256 чел. обоего пола. **Прирость** населенія въ теченіи **50** лѣтъ: 859 человѣкъ. Изъ числа 1256 умершихъ, **дѣтей** умерло: 859 человѣкъ. **Высшая** цифра **родившихся**=88 чел. въ 1846 году. **Низшая**=4 чел. въ 1831 году.

Вообще замѣчается, что съ 1839 года цифра родившихся начинаетъ увеличиваться и ниже 43 человѣкъ непадаетъ.

Высшая цифра **бракомъ** сочетавшихся:=20, въ 1844 году, **низшая** 4-мъ, въ 1811, 31, 48 и 54-мъ годахъ. **Высшая** цифра взрослыхъ **умершихъ:** 101 ч. въ 1841 г. **Низшая** 5 ч. въ 1822 г.

Если вѣрить точности метрическихъ книгъ, то въ Поливановскомъ приходѣ встрѣчалось много примѣровъ **долго-**

вѣчкости; такъ, въ періодъ времени съ 1802—1852 умерло въ приходѣ **43 человѣка**, изъ коихъ старѣйшему было 101 годъ (въ 1815 году Анна Трофимова), а младшему 79 лѣтъ (1839 года Фаина Игнатова), причемъ въ числѣ долговѣчныхъ числится **24** человѣка **мужчинъ** и **19-ть женщинъ**. Слѣдуетъ замѣтить, что приближаясь къ нашему времени, число долговѣчныхъ замѣтно уменьшается, такъ что послѣ 1833 г., столѣтнихъ совсѣмъ уже невстрѣчается и только двое достигаютъ 90-лѣтняго возраста, тогда какъ до этого времени, т. е. въ теченіи слишкомъ 30 лѣтъ записано 5 человѣкъ возрастомъ ста лѣтъ и болѣе и 17 чел. возрастомъ отъ 90—99 лѣтъ.

Замѣчательно также и слѣдующее обстоятельство, что до 1846 года въ метрическихъ книгахъ о **незаконнорожденныхъ** совсѣмъ **неупоминается**, но за то послѣ этого времени, за 12 лѣтъ, число незаконнорожденныхъ достигаетъ до 33 человѣкъ, среднимъ числомъ до 2,07 въ годъ; при этомъ наибольшія цифры незаконнорожденныхъ приходятся въ 1845 (5 человѣкъ), а 1851 (6 человѣкъ) и въ 1849 (6 человѣкъ).

По современнымъ (1882 года) свѣдѣніямъ въ **с. Поливановѣ** числится: ревизскихъ душъ—353 муж. п., наличныхъ—390 муж. п., 430 жен. п. всего 820 душъ об. п.

Земли на сказанное число душъ имѣется 934 десятины, а **душевой** надѣлъ простирается до $2^3/_4$ десят. на душу.

Въ исторіи села нелишнимъ будетъ упомянуть также и **о крестьянскихъ фамиліяхъ** составляющихъ его (т. е. село) принадлежность, тѣмъ болѣе, что по нашему наблюденію въ каждомъ селѣ существуютъ преимущественно одни какія либо фамиліи, по которымъ, почти безошибочно, можно опредѣлить, кто изъ какого села. Такъ, напр., въ селѣ Котлѣ встрѣчаются фамиліи Тамбовцевыхъ, Арзамасцевыхъ; въ с. Коповкѣ много подъ фамиліей Краснослободцевыхъ; въ с. Рахманкѣ Шачневыхъ; въ с. Выборномъ Богатыревыхъ; въ с. Чiушъ-Каменкѣ Дураковыхъ; въ дер. горшечной Каменкѣ Буслаевыхъ и т. д. Кромѣ того, самыя названія фамилій иногда какъ бы намекаютъ на происхожденіе членовъ ихъ изъ тѣхъ городовъ и областей, откуда они, въ старину, можетъ быть переводились для заселенія Керенскаго края (Тамбовцевы, Краснослободцевы, Суздальцевы); въ другихъ случаяхъ фамильныя прозвища указываютъ, между прочимъ и на прежнюю зависимость, тѣхъ или другихъ крестьянскихъ семействъ отъ какого-либо владѣльца, какъ напр., Дураковы, Буслаевы, Ношкины, Волковы, Чернышевы и т. п. *).

Въ виду сказаннаго было бы желательно какое-либо болѣе подробное изслѣдованіе въ этомъ отношеніи, которое въ связи съ изученіемъ архивныхъ документовъ пролило бы, быть можетъ,

---

*) Кромѣ оффиціальныхъ или „**письменныхъ**“ фамилій крестьяне въ Керенскомъ уѣздѣ носятъ еще „**уличныя**“ фамиліи или прозвища, такъ напр. крестьяне **Сутигины**, по уличному прозываются еще и „Потериными“ и т. п.

болѣе яркій свѣтъ на исторію колонизаціи нашего Пензенскаго края и водворенія въ немъ землевладѣнія.

Точно также нелишены интереса и наблюденія, которыя могутъ быть сдѣланы въ нашей губерніи 1) относительно крестьянскихъ женскихъ **костюмовъ**, 2) **знаковъ**, которыми крестьяне отмѣчаютъ свои загоны на поляхъ, и 3) нѣкоторыхъ **особенностей рѣчи**, свойственныхъ той или другой мѣстности.

Присматриваясь къ нарядамъ жительницъ разныхъ селъ и деревень, нельзя не замѣтить между ними значительной разницы, какъ въ покроѣ одежды, цвѣтѣ и качествѣ ея матерьяла, такъ и особенной манеры одѣваться и повязывать платкомъ голову, вслѣдствіе чего опытный глазъ по этимъ признакамъ сразу отличитъ женщинъ одного села отъ женщинъ другаго, потому что въ каждомъ селѣ удерживается своя, такъ сказать, мода одѣваться. Такъ, напр.: Котельскихъ или Коповскихъ женщинъ по костюму легко отличить, отъ жительницъ села Шеина или села Поливанова. Сюда же можно присоединить еще то обстоятельство, что женскіе костюмы одной мѣстности повторяются въ другой, болѣе или менѣе отдаленной; такъ, напр: костюмы Котельскихъ или Каргалейскихъ женщинъ Керенскаго уѣзда съ поразительною точностью повторяются въ з. г. Шишкѣевѣ Инсарскаго уѣзда, а наряды Шеинскихъ бабъ Керенскаго уѣзда во всемъ сходныя съ нарядами женщинъ, отдаленнаго отъ с. Шеина, того же уѣзда с. Шелдаиса, кромѣ того повторяются въ с. Царевщинѣ, Мокшанскаго уѣзда.

Подобная разница въ одеждѣ женскаго населенія различныхъ селъ и въ тоже время единство по отношенію костюма между селеніями отдаленными не служатъ-ли намекомъ, хотя и на отдаленное, можетъ быть, **землячество** жителей сказанныхъ селеній, на первоначальное жительство ихъ въ одной и той-же мѣстности (области или уѣздѣ) до тѣхъ поръ покамѣстъ поступательное движеніе русской колонизаціи не оторвало ихъ другъ отъ друга и неразбросало по разнымъ мѣстамъ новаго края....

Теперь, относительно **полевыхъ знаковъ**, возможно допустить, что они одного происхожденія съ такъ называемыми, „знаменами“, *), которые нерѣдко встрѣчаются въ старинныхъ актахъ вмѣсто подписей, на томъ основаніи, что какъ знамена, такъ и полевые знаки, оставаясь неизмѣнными, каждый, составляютъ собственность той или другой крестьянской фамиліи.

Нельзя не видѣть въ этомъ своего рода крестьянской геральдики, опредѣляющей принадлежность къ тому или другому семейству,—геральдики, встрѣчаемой не у русскихъ только, но глав-

---

*) **Знамя**. Отъ слова знаменіе, знакъ отличительный признакъ, замѣтки; въ старинныхъ актахъ знамена обозначаются фигурами, напоминающими геометрическія и состоятъ изъ линій и кружечковъ. Подъ каждымъ знаменемъ подпись: знамя такого-то напр. Покидково или Сабайкино знамя.

нымъ образомъ у инородцевъ, аборигеновъ нашей стороны мордвы, мещеры и татаръ, вслѣдствіе чего всякое изслѣдованіе по отношенію полевыхъ знаковъ было-бы не лишено нѣкотораго интереса.

Наконецъ относительно **особенностей языка** встрѣчаются въ мѣстномъ говорѣ, такъ называемые, **идіотизмы** и своеобразное произношеніе словъ. Такъ, въ Керенскомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ селахъ (но не во всѣхъ) употребляются напр. выраженія: „голомя“ (т. е. спустя много времени), или „абапола“ (ложь, напраслина) или гамаюнъ“ (скопидомъ, заботливый хозяинъ) и т. п.; точно также въ нѣкоторыхъ селахъ нашей губерніи, говорятъ напр.: на **о**, какъ въ верховьяхъ волги, (Городищенскій и отчасти Саранскій уѣздъ) или же, что называется цокаютъ (въ Керенскомъ уѣздѣ с. Шелдаисъ, Шеино и въ Мокшанскомъ уѣздѣ с. Царевщина). Намъ кажется, что наблюденія, а тѣмъ болѣе изслѣдованія въ сказанномъ направленіи оказали бы немалую услугу какъ этнографіи, такъ равно и исторіи.

Перейдемъ однако, къ **крестьянскимъ фамиліямъ села Поливанова:**

А.

Аксеновы, Амельнины, Анисины.

Б.

Болицкіе.

В.

Варламины, Ватолкины, Видемины, Волковы.

Г.

Ганины, Гусенконы.

Д.

Дорофеевы.

Е.

Евполовы, Евстигнеевы, Елизаровы, Еремины.

Ж.

Журавлевы.

З.

Заводскіе, Зотовы, Зоцыны.

К.

Кошелевы, Кузины, Кузнецовы, Кузяевы, Кургановы.

Л.

Ларюкины, Лисенковы, Люкшины.

М.

Марины. Марунины, Матвѣевы, Махровы, Мизины, Миняевы, Михайловы, Мурашевы, Монаховы.

Н.

Никитины, Николаевы.

О.

Опрятины, Осонины.

П.

Палагины, Паршковы, Поляковы, Пургановы.

Р.

Романовы.

С.

Савловы, Савковы, Савцовы, Савельевы, Саксѣевы, Самарины, Сарвилины, Синотовы, Смагины, Срословы, Стеклянниковы, Субботины, Сурниковы, Сыцевы.

Т.

Тарасовы, Трухины, Тупичнины, Туренины.

У.

Уваровы, Усачихины.

Ф.

Фильковы.

Х.

Харьковы, Хромовы.

Ч.

Черновы, Чищины.

Ш.

Шиндины, Шлюхины, Широковы.

Ѳ.

Ѳедосѣевы.

Всего 74 фамиліи.

Заканчивая нашъ трудъ сими послѣдними свѣдѣніями, считаемъ нужнымъ замѣтить, что къ несовершенствамъ этого труда присоединяется еще и то обстоятельство, что мы неупомянули о такихъ крупныхъ событіяхъ, какъ напр., „Разинскій бунтъ" и „Пугачевщина", въ которыхъ, безъ сомнѣнія, и Поливановцы, вмѣстѣ съ другими, принимали большее или меньшее участіе. Но во первыхъ, мы неимѣли подъ руками никакихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ участіи Поливановскихъ жителей въ сказанныхъ событіяхъ, а, во вторыхъ, эти событія, какъ явленія случайныя и совершенно чуждыя обычному теченію сельской жизни, не могутъ слѣдовательно разсматриваться на ряду съ обыденными ея фактами. Вотъ почему въ нашей, такъ называемой, „исторіи села", мы касались преимущественно лишь такихъ событій, которыя составляя неотъемлемую принадлежность сельскаго быта, для сельскаго жителя дороги, какъ воспоминанія и обыденны, какъ дѣйствительность. Незнаемъ: можетъ-ли это назваться „исторіей села", но думаемъ, что иной исторіи село имѣть неможетъ.

Г. Петерсонъ.

Съ разрѣшенія Начальства.

Пенза. Губ. Типографія.